

**О СВЯЗЯХ ВОЛЖСКОЙ БУЛГАРИИ И БУЛГАРСКОГО УЛУСА
ЗОЛОТОЙ ОРДЫ С ИРАНОМ В X–XIV ВВ.
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ МАТЕРИАЛАМ)**

К.А. Руденко

*Казанский государственный институт культуры
Казань, Российская Федерация
murziha@mail.ru*

Цель: изучение международных торговых, экономических и культурных связей Волжской Булгарии и Булгарского Улуса Золотой Орды с Ираном; выявление особенностей и динамики этих связей в X–XIV столетиях.

Материалы исследования: основным источником являются археологические артефакты, полученные в результате раскопок в конце XX – начале XXI века. Это предметы, изготовленные из металла, керамики и стекла. В их числе и уникальные артефакты, сделанные по редким технологиям, а также металлические сосуды, инкрустированные медью и серебром.

Результаты и научная новизна: впервые был проведен комплексный анализ археологических артефактов, свидетельствующих о связях Волжской Булгарии и Булгарского Улуса Золотой Орды с Ираном; определены наиболее важные группы артефактов, характеризующие их, в том числе и уникальные изделия из «белой бронзы». Было установлено, что в культурной жизни и в искусстве Волжской Булгарии и Булгарского Улуса Золотой Орды изделия иранских ремесленников играли значительную роль. Их копировали, иногда трансформировали под собственные вкусы и традиции. На основе многих иранских ремесленных изделий создавались уже болгарские изделия. С X до XII в. главным городом Ирана, с которым болгары имели торговые и культурные контакты, являлся Нишапур. В XII–XIII в. торговля болгар велась преимущественно с иранскими городами, находившимися в области Хорасан. После монгольских завоеваний население Булгарской области Золотой Орды с конца XIII в. возобновило контакты с Хорасаном. Только импорт ограничивался небольшим количеством дорогих изделий. Это художественная посуда и украшения. Главным импортером эксклюзивных иранских товаров стала столица Булгарского улуса Золотой Орды – город Булгар.

Ключевые слова: Волжская Булгария, Золотая Орда, Хорасан, Иран, художественный металл, средневековая керамика, Булгар

Для цитирования: Руденко К.А. О связях Волжской Булгарии и булгарского улуса Золотой Орды с Ираном в X–XIV вв. (по археологическим материалам) // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 472–488. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.472-488

**ON THE RELATIONS OF VOLGA BULGARIA
AND THE BULGAR ULUS OF THE GOLDEN HORDE
WITH IRAN IN THE 10TH–14TH CENTURIES
(ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL MATERIALS)**

K.A Rudenko

*The Kazan State Institute of Culture
Kazan, Russian Federation
murziha@mail.ru*

Abstract: Objective: To study international trade, economic ties and cultural relations of Volga Bulgaria and the Bulgar Ulus of the Golden Horde with Iran; to identify the features and dynamics of these relations in the 10th–14th centuries.

Research materials: The main sources are archaeological artifacts obtained as a result of excavations in the late twentieth and early twenty-first centuries. These are items made of metal, ceramics and glass. Among them there are unique artifacts made using rare technologies, as well as metal vessels encrusted with copper and silver.

Results and novelty of the research: The author for the first time ever comprehensively analyzed the archeological artifacts that testify to the relations of Volga Bulgaria and the Bulgar Ulus of the Golden Horde with Iran. He identified the most important groups of artifacts characterizing them, including unique pieces made of “white bronze”. It was established that the products of Iranian artisans played a significant role in the cultural life and art of Volga Bulgaria and the Bulgar Ulus of the Golden Horde. They were copied, sometimes being transformed to local tastes and traditions. Bulgarian products were created on the base of many Iranian handicraft products. From the tenth to the twelfth century, Nishapur was the main city of Iran with which the Bulgars had trade and cultural contacts. In the twelfth–thirteenth century, the trade of the Bulgars was conducted mainly with the Iranian cities situated in the Khorasan area. After the Mongol conquests, the population of the Bulgarian region of the Golden Horde resumed contacts with Khorasan from the end of the thirteenth century. However, imports were limited to a small number of expensive products. These were artware and jewelry. The main importer of sought-after Iranian goods was the capital of the Bulgar Ulus of the Golden Horde – the city of Bulgar.

Keywords: Volga Bulgaria, Golden Horde, Khorasan, Iran, medieval metalwork, medieval ceramics, Bulgar

For citation: Rudenko K.A. On the Relations of Volga Bulgaria and the Bulgar Ulus of the Golden Horde with Iran in the 10th–14th centuries (according to archaeological materials). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 472–488. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.472-488

Волжская Булгария с момента своего возникновения в X в. была тесно связана торговыми отношениями со многими странами, входившими в орбиту международных торговых путей. После принятия булгарами ислама в начале X в. определились приоритеты в тех направлениях, в которых правители булгар были заинтересованы прежде всего. Это государства мусульманского Востока. Из них традиционным для булгар был Хорезм, откуда купеческие караваны доходили до Средней Волги и Камы еще в IX в., о чем свидетельствуют письменные источники. Однако другие направления восточных связей по этим данным определить было затруднительно.

В этой ситуации особый вес приобретают археологические данные. Они стали активно привлекаться для освещения данного вопроса в историко-археологических штудиях с середины – второй половины XX в. Особенно когда начались планомерные масштабные раскопки болгарских археологических памятников [18, с. 40–41, 59, рис. 11]. Конечно, в той или иной степени эта тема поднималась и ранее, однако в большинстве своем эти суждения были построены на общих соображениях и предположениях, поскольку характер болгарских древностей оставался практически неизвестным.

Большинство специалистов, обращавшихся к теме связей болгар со странами Востока, как правило рассматривали последние обобщенно, в совокупности, объединяя в это понятие разные государства и страны – от Египта и до Китая. Не останавливаясь на вопросах историографии, что требует отдельного изучения, отметим, что чаще всего для домонгольского времени выделялись торговые контакты со Средней Азией, и в меньшей степени с государствами Ближнего Востока, а география экономических и торговых связей Булгарского улуса в период Золотой Орды чаще всего определялась достаточно условно. Кроме того, рассмотрение этих вопросов в исторической ретроспективе не приводилось. Остановимся на одном из таких вопросов – связях между Волжской Булгарией в X – начале XIII в. и Булгарской областью Золотой Орды во второй половине XIII – XIV вв. с Ираном.

Иран с момента вхождения в Арабский халифат играл в новом государстве весьма важную роль, в том числе и в сложных политических и религиозных течениях [1, с. 32–37, 63; 5, с. 84–87; 21, с. 10–20]. Многие из государственной структуры сасанидского Ирана было унаследовано халифатом [21, с. 33], а искусство сасанидской империи оказалось достаточно близко двору Омейядских правителей [4, с. 190].

Территория домусульманской Персии к X в. оказалась разделенной между несколькими мусульманскими династиями, в основном Буидами, Саманидами, и только к концу XI в. она оказалась практически полностью в сельджукском государстве, которое включало в себя Малую Азию, Грузию, Ирак, Армению, часть Средней Азии [1, с. 213; 31, р. 348–350, map]. При всем этом персы сохранили многие национальные традиции, что отразилось в разных областях общественной и культурной жизни и особенно ярко в изобразительном искусстве и литературе [28, р. 68–69; 9, с. 41–43, 48; 22, с. 330–332, 344].

Особо важным является период X–XI вв. – первые века существования суверенного болгарского государства. В это время часть восточного и северо-восточного Ирана в бывшей провинции сасанидского Ирана – Хорасане, с центром в городе Нишапуре, – играла особую роль в политической и экономической жизни Центральной и Средней Азии [19, с. 202–205]. Нишапур в X–XI вв. – крупный город, протяженностью более фарсага, сосредоточие ремесла и учености, где жили и творили выдающиеся богословы, историки и географы [2, с. 57, 63, 73, 200, прим. 4], – оказался в этот период связан с булгарами сухопутным путем, по которому в начале X в., вероятно, передвигался с караваном посол багдадского халифа Ибн Фадлан [20, с. 27].

Археологические материалы свидетельствуют, что с культурой мусульманской Персии булгары познакомились не позднее середины X в., что хорошо заметно на фоне многочисленных хазарских изделий [14, с. 117], а на

правление внешних связей определяли хорезмийские торговые представители. Тем не менее уже в конце X в., в пору обретения независимости и государственного суверенитета, болгары вступили в прямые отношения с Хорасаном. Наиболее ярким свидетельством этого являются тонкостенные полусферические чаши из т.н. «белой бронзы», составляющие достаточно представительную серию исламской тореvтики IX–XI вв. [34, р. 123–151], украшенные с внутренней стороны гравированными геометрическими рисунками (рис. 1 – 1–8). Эти чаши привозились булгарами в Приочье и в Марийское Поволжье для обмена на ценные товары, прежде всего пушнину. Во второй половине XX в. при раскопках могильников марийцев и муромы X–XI вв. было обнаружено более десятка таких артефактов.

Точное место производства этих чаш пока не определено. Было бы заманчиво видеть в них болгарские изделия, тем более что одна из чаш была обнаружена на болгарском I Семеновском селище в Татарстане в 80-х гг. XX в. Однако состав металла этих предметов с редкими компонентами в сплаве, сложнейшая технология, высочайший уровень мастерства художников-гравировщиков, а также иконография, не имеющая местных основ, не позволяют предполагать производство большей их части булгарами. Кроме того, такие же чаши привозились торговцами на Урал, в Зауралье – в Приобье (рис. 1 – 4). Топография этих находок показывает, что путь их поступления не связан с булгарами, так как в Прикамье, через которое болгарские купцы могли теоретически их доставлять за Урал, таких находок нет. Более того, чаша, которая была обнаружена в Предуралье на р. Чепца (Удмуртия), датированная XI – XII вв. (рис. 1–11), сделана из другого металла (т.е. не из «белой бронзы») и, скорее всего, западноевропейского производства, как и ряд других подобных изделий из Среднего Поволжья (рис. 1 – 10, 12).

Вместе с тем, обращают на себя внимание и весьма любопытные особенности чаш из белой бронзы, поступавшие через болгарские земли. Так, если на иранских литых бронзовых чашах декор всегда наносился с двух сторон, то на чашах из белой бронзы, найденных на Средней Волге орнамент всегда только с внутренней стороны. Эти особенности были рассмотрены нами ранее [11, с. 88–94; 16, с. 157–172], поэтому отметим только, что в середине – второй половине X в. для их декора характерно абсолютное преобладание геометрических мотивов, что в принципе характерно не только для художественного металла, но и для глазурованной керамики этого времени Средней Азии и Ирана с типичной чертой, присущей только исламской керамике – доминированием декора [4, с. 218]. Причем некоторые из металлических чаш этого вида уникальны в большей степени не столько характером рисунка, а особой технологией изготовления [8, с. 74, 76, табл.].

В первой четверти XI в. через Булгар к марийцам попадает небольшая партия чаш из «белой бронзы» (рис. 1 – 6–8) с реминисценциями раннеисламского и даже позднего сасанидского стиля в рисунках, что встречается на иранских изделиях IX–X вв. [16, с. 166, рис. 3–1; 24, р. 123].

Этот своеобразный бестиарий является, по мнению О. Грабара, характерным для иранской традиции, являясь отражением «местной, народной культуры» [4, с. 220]. Вместе с тем, очевидно, что эти орнитоморфные изображения, как и рисунок фантастического зверя – схематизированное изображение

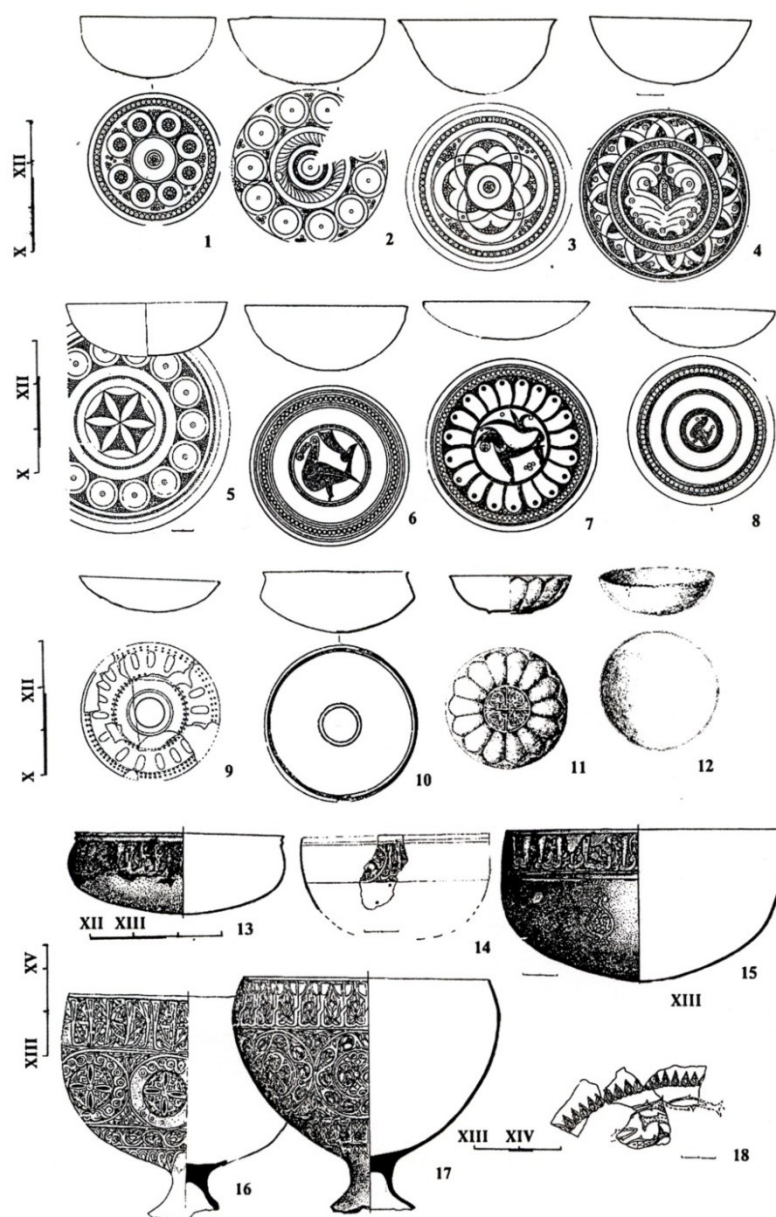

Рис. 1. Хронология металлических чаш X–XIV вв. из Среднего Поволжья и Зауралья.
 1–3, 6–9: Марийское Поволжье; 4: Зауралье; 5: Приочье; 10: Посурье;
 11, 12: Прикамье; 13–18: Среднее Поволжье (Волжская Булгария).
 1–9, 13–18: производство Ирана.

Fig. 1. Chronology of the metal bowls of the 10th–14th centuries
 from the Middle Volga and Trans-Ural regions.
 1–3, 6–9: Mari Volga region; 4: Trans-Ural region;
 5: Cis-Oka region; 10: Sura region; 11, 12: Cis-Kama region;
 13–18: Middle Volga Region (Volga Bulgaria).
 1–9, 13–18: production of Iran.

льва или пантеры – несут в себе не реалистичные образы, а условно-геометрическую форму, являясь по сути геометризированными элементами декора, являясь, по меткому выражению О. Грабара, «контрастом форм и линий» [4, с. 236]. Вряд ли их можно считать некими астрологическими символами. Впрочем, активное включение в орнаментику предметов декоративно-прикладного искусства мусульманского Востока астрологических символов и мотивов произошло примерно с XII в., а иконография таких сюжетов сложилась позже [23, р. 248; 27].

Если обратиться к аналогиям, то чаши из «белой бронзы» и фрагменты от них, выполненные в «геометрическом стиле», найденные при раскопках в Сирафе (портовый город в иранской провинции Бушер на побережье Персидского залива), а также в Нишапуре, датированы, по мнению Е. Байер, промежуток между X и XI вв. [23, р. 108–109], что согласуется в целом с археологической датировкой, чаш найденных в Марийском Поволжье.

Отметим также, что на чашах начала XI в. из Поволжья имеется характерный прием декорирования – мелкие кружочки с точкой в центре, полностью заполняющие фон рисунка. Как считает А.А. Иванов, этот прием, зафиксированный им на небольшой группе изделий (чаши из Хунзаха и музея Метрополитен, а также ковш из Барсова городка близ Екатеринбурга), характерен для торевтов Восточного Ирана, работавших в первой половине XI в., и в целом был типичен для хорасанских изделий VII–XI вв. [6, с. 184–185; 7, с. 32] или, чуть сужая хронологические верхние рамки, в начале XI в. [7, с. 28].

К этой же группе изделий, мы считаем, можно отнести пару бронзовых ковшей из Биляра – столицы Волжской Булгарии в домонгольское время [11, с. 80–81; 16, с. 167, рис. 4]. Они имеют точные аналогии в Нишапуре (музей Иран-Бастан в Тегеране) и в Гератской области (современный Афганистан). С последней связывает эти находки и исследователь «белых бронз» М.С. Меликян-Ширвани [34, р. 139, fig. 24, 25]. Билярские ковши, скорее всего, были привезены либо из Нишапура, либо из Герата в XI в. Правда, очевидных связей Булгара с Гератом пока выявить не удалось, так что версия о нишапурском происхождении этих артефактов предпочтительнее. Такой же дизайн имеет фрагмент бронзовой чаши, найденный на Измерском селище, которое датируется Е.П. Казаковым второй половиной X – началом XIII в. Этот артефакт украшен мелкими кружочками с точкой в центре и небольшими круглыми углублениями, как на нишапурских ковшах из Биляра [13, 132, рис. 20–2].

Несколько небольших фрагментов, вероятно, от литых бронзовых чаш, орнаментированных маленькими кружочками, найденных на Булгарском городище, точно атрибутировать трудно из-за небольших размеров фрагментов [11, с. 131, рис. 29–3; 13, с. 292–293, 340, рис. 98–10], хотя ближайшие аналогии имеются в бронзовых изделиях Хорасана XI в., в целом и в частности – в Нишапуре [34, р. 136, fig. 16, 17].

Кроме того, в XI–XII вв. в Биляре и Измерском селище изготавливались бронзовые поясные накладки [12, с. 166–167, 172, рис. 1 – 1–7] – подражания деталям иранского парадного пояса XI–XII вв. из серебра с инкрустацией, позолотой и чернью, ближайшие аналоги которых происходят из Нехавенда, города на западе Ирана, в провинции Хамадан [33, р. 145, fig. 333, 334].

Достаточно представителен хорасанский импорт предметов художественного металла в Булгарию в XII – начале XIII в. Это бронзовые ступки,

светильники и подставки для них, курильницы, котлы, тазы и чаши [11, с. 82–84]. В основном эти находки происходят из Биляра и Булгара (НМ РТ, инв. №№5427; №13385, Б-9769). Фрагменты подставок для масляных ламп немногочисленны и представлены деталями от вертикального держателя (например, находка 1989 г. на Билярском городище в районе т.н. «кузнечного мара»). Их аналогии имеются в иранских изделиях X–XI вв. [23, р. 12, fig. 4]. Известные типы масляных бронзовых ламп, в частности с округлым или фигурным резервуаром с открытым или закрытым носиком и кольцевидной ручкой [11, с. 127, рис. 25–1, 3]. По мнению Е. Байер, они имеют византийские истоки и изготавливались в Хорасане не ранее X в. [23, р. 23, fig. 13].

Более широкую географию изготовления имеют бронзовые курильницы, из которых в коллекции Национального музея Татарстана из раскопок на Булгарском городище в 1957 г. (НМ РТ, полевой шифр К-57) представлена одна обломанная ножка в виде стилизованной лапы животного [11, с. 131, рис. 29–8; 13, с. 341, рис. 99–1]. Судя по аналогиям, она принадлежала небольшой цилиндрической прорезной курильнице с полусферической крышечкой. Такие изделия изготавливались и бытовали не ранее XIII в. [23, р. 51, fig. 35]. Отсутствие других частей изделия не позволяет уточнить атрибуцию.

Котлы хорасанского производства с полусферическим туловом, вертикальными ручками и широкими трапециевидной формы «отворотами» венчика (сохранились обломки венчика из Билярского городища [11, 131, рис. 29–2]) встречаются с XII в., и, судя по подписанным изделиям таких форм, их производство продолжалось до второй половины XIV в. [32, р. 483]. Также к продукции хорасанского центра исследователи относят литые тазы (?) с ручками, украшенными изображением кошачьего животного, датированные XI–XII вв. В находках из Билярска имеются характерные ручки от таких изделий [11, с. 84; 13, с. 341, рис. 99–2]. Отметим, что на этих предметах нет следов инкрустации ни серебром, ни медью.

Однако самым популярным импортом из Хорасана в XII – начале XIII в. были бронзовые, инкрустированные серебром чаши полусферической формы. Целые из них только две (рис. 1 – 13, 15), остальные – фрагменты от трех изделий [13, с. 294–295, 336, 340, ил. 431, 432, рис. 96 – 2; 98 – 2–4; кат. №373]. Все они найдены в Булгаре и датируются второй половиной XII – XIII в. Это вполне соотносится с началом производства такого рода изделий на востоке Ирана, в Хорасане – не ранее середины XI в. [7, с. 28], хотя производство инкрустированных исламских бронз начинается гораздо раньше – еще в конце IX – середине X в. [29, р. 333]. Отличительной чертой изделий, попавших к булгарам, было оформление фона надписи, обычно расположенной снаружи в верхней части чаши, – спирально скрученными стеблями с пальметками, а также, иногда – верхних окончаний букв в виде человеческих голов. В самой Булгарии производство инкрустированных сосудов, скорее всего, не осуществлялось, по крайней мере на сегодняшний день мы не имеем ни одного убедительного свидетельства этого.

К числу импортированных инкрустированных хорасанских бронз нужно отнести бронзовые чернильницы середины – второй половины XII в., найденные на Булгарском городище, а также близ села Кульбаева Мараса в Нурлатском районе Татарстана [13, с. 301, 335, ил. 450, рис. 91–3, кат. №374].

Аналогичные им изделия XII в. хорасанского производства имеются в собраниях Британского музея и Метрополитен [23, p. 79, fig. 59; 38, p. 15, fig. 6].

К XII – началу XIII в. относится достаточно большой импорт в Булгарию поливной монохромной, с двухсторонней глазурью керамики, что хорошо документируется материалами из раскопок Билярского городища в 1967–1987 гг. Распространение ее в крупных болгарских городах и в зажиточных сельских усадьбах в центральных районах Волжской Булгарии приходится на первую – вторую треть XII в. [16, с. 300, 315, рис. 4–8–10; 15, с. 1482–1486]. Из редких изделий, встречающихся в основном на Билярском и Булгарском городищах – фрагменты люстровой керамики, центры изготовления которой с раннеисламского времени находились в Египте и Иране [35, p. 63]. Привозились чаши, кувшины с орнаментом из растительных мотивов или, что весьма вероятно, с декором из фигурных композиций [39, p. 353–354, 360, cat. №№ O.10, O.12, O.19]. Встречаются на Билярском городище и фрагменты иранских кашинных сосудов с глухой бирюзовой глазурью и надглазурной росписью черной краской [39, p. 336–337, cat. N.3; N.5].

Кроме того, на Билярском городище была найдена почти целая фаянсовая иранская чаша на поддоне с изображением человеческих личин. Она изготовлена в специальной модели, подобные которой известны в иранских древностях XII–XIII вв. [39, p. 140–141, cat. Af.3]. Вариации таких чаш, производившихся в Иране в XII в., достаточно разнообразны, в том числе встречаются экземпляры с монохромной глазурью [30, p. 176–177, cat. 172–174].

В начале XIII в. в Булгарию привозились чаши типа минаи, фрагменты которых встречены в Булгаре, и единичные фрагменты обнаружены при раскопках Билярского городища. Чаши типа минаи производились в Кашане в начале XIII в. [26, p. 129, cat. 58; 39, p. 363–371].

Импортировалась, скорее всего, и стеклянная посуда из Хорасана, правда ее ассортимент был во многом близок стеклянным изделиям Ближнего Востока в целом и выделить их из общей массы ближневосточного стекла (особенно во фрагментированном виде) крайне затруднительно. Тем не менее фрагменты стеклянных ламп X–XI вв. (донца, петли для подвешивания, стенки тулова) (кстати, вместе с иранской глазурованной керамикой), найденные на II Билярском селище, которое датировано исследователем селища Е.А. Беговатовым концом X – началом XI в. [3, с. 158–162], хорошо диагностируются и могут быть отнесены к производству Нишапура или Хорасана в целом. Небольшие стеклянные бутылки, обнаруженные при раскопках в центре Билярского городища, и миниатюрные сосуды с резным и накладным узором с Булгарского городища имеют аналогии в стеклянных изделиях Ирана X–XI вв. [25, p. 20, 91, fig. 5 cat. 17]. Аналогии с нишапурским стеклом (как, впрочем, и с ближневосточными изделиями из стекла X–XI вв. в целом) можно обнаружить и на других болгарских городищах, возникших в первой половине домонгольского времени, например, на Суварском городище¹.

Интересна ситуация с ювелирными украшениями из драгоценных металлов. Булгарские ювелиры в XI в. использовали приемы, характерные для иранского ювелирного дела X–XI вв., например, наложение сканых колечек на сквозные отверстия в основе изделия [36, p. 205, 211, cat. 133–136, 146],

¹ Коллекция Суварского музея.

использование элементов конструкции в виде соединенных между собой полых элементов, состыкованных при помощи зерни [37, р. 118–119]. Эти элементы технологии производства золотых украшений (и только их) использовались болгарскими ремесленниками до начала XIII в. Также для этой сферы деятельности характерно заимствование болгарскими мастерами иранских образцов и даже отдельных популярных бытовых предметов, например, навесных замочков на ларцы в виде стилизованной фигурки льва (т.н. «рогатые барсы») [13, с. 290, ил. 410]. Узнаваемы их прототипы, например, курильницы в виде фигуры льва, датированные XI – началом – второй четвертью XII в. [38, р. 12, fig. 3], причем Е. Байер отмечает прямые аналогии им в изображениях на нишапурской керамике [23, р. 57–58, fig. 41]. Параллельно болгарским изготавливались похожие замочки в Хорасане во второй половине XII в. [36, р. 221, cat. 170].

Также иранские прототипы находят некоторые редкие изделия, известные в древностях домонгольских болгар. Это, например, серебряная коробочка-коранница с чернью из Спасского клада начала XIII в. [13, с. 121, рис. 8–1]. Её предтеча обнаруживается в иранских древностях X–XII вв. [36, р. 253, cat. 213]. Этим же временем датируются подвески-амулетницы в виде небольших серебряных с медной инкрустацией коробочек с петельками, ставших основой для болгарских изделий [36, р. 251, cat. 211]. Последние, хотя и серебряные, но только с чернеными рисунками и без надписей [13, с. 382–383, кат. №№ 80–83]. Такие амулетницы в болгарских древностях немногочисленны и представлены всего одним типом, с несколько варьирующимися деталями рисунка. Датируются болгарские изделия XII в. Отметим, что в ордынское время такие изделия, но уже с зерновым узором и вставкой, встречаются на Булгарском городище [13, с. 130, рис. 18–3].

Монгольские завоевания конца 1230-х гг. нанесли сильнейший удар по сложившимся столетиями торговым, экономическим и культурным связям, в том числе и ирано-болгарским. Однако в рамках нового государства – Великой монгольской империи – стал складываться совершенно новый тип отношений как в экономической, так и в культурной сферах. Интересно, что противостояние отдельных частей империи – Хулагуидского Ирана и правителей Золотой Орды – не было непреодолимой преградой для культурных контактов. Механизм этих явлений пока остается не совсем ясным, однако имеются факты, которые демонстрируют появление изделий иранского производства на территории Булгарского улуса Золотой Орды, причем в основном в столичном Булгаре. Ассортимент их был не очень разнообразен: украшения (серьги или височные украшения), парадная металлическая посуда (котелки, подсвечники, кубки, чаши), а также поливная керамика [13, с. 462, 490–493; кат. №№ 306, 378–380].

По имеющимся на сегодняшний день данным можно предполагать, что иранские предметы стали появляться в Булгарском улусе не ранее конца XIII в. Маркируют этот рубеж бронзовые кубки с серебряной инкрустацией [13, 492–493, кат. №№ 379, 380]. Один из них был найден у с. Пролей-Каша (Тетюшский район РТ) (рис. 1–17), другой (рис. 1–16) происходит, вероятно, из Булгара. Этот тип кубков исследовал Ричард Эттингхаузен, который детально рассмотрел происхождение их формы и орнаментов и пришел к выводу, что они отно-

сятся к Восточному Ирану (наиболее вероятно, к Хорасану) и производились здесь с начала XIII в. [29, p. 362, 365]. В серии таких изделий в зарубежных собраниях имеются несколько шедевров, например, знаменитой *Vaso Vescovaly* хорасанского производства (около 1200 г.) [26, p. 207–208, cat. 124]. Кубки из Булгарской области Золотой Орды (рис. 1–16, 17), судя по их оформлению, изготовлены в конце XIII – начале XIV в. В этот же период был привезен в Булгар и бронзовый подсвечник, инкрустированный серебром и украшенный медальонами с изображением животных и людей [13, с. 491, кат. №378].

Перечень известных нам обнаруженных в Булгарском улусе импортных иранских инкрустированных изделий продолжает бронзовая чаша начала XIV в. из находок на Булгарском городище (собрание ГИМ) и несколько фрагментов (вероятно, тоже из Булгара) от таких чаш из коллекции ОАИЭ с изображением на дне плавающих рыбок (рис. 1–18). У них имеются многочисленные аналогии [23, p. 280, fig. 227]. Сюда же необходимо отнести и три небольших котелка иранского производства XIV в. Они были инкрустированы серебром и украшены различными изображениями. Здесь же был найден такой же котелок, но без инкрустации [13, с. 300, 336, ил. 447, рис. 93, 94]. Показательно, что все эти эксклюзивные изделия были скрыты как клад – то есть их рассматривали как очень ценные предметы. Традиция изготовления бронзовых парадных котелков начинается в Хорасане еще в домонгольский период (не ранее XII в.). Одним из мест их производства был Герат, где был изготовлен в 1163 г. известный эрмитажный котелок с инкрустацией, подписанный мастерами Мухаммадом ибн Абд ал-Вахидом и Мас'удом ибн Ахмадом ан-наккашем. Правда котелки XIV в. иные по форме – тулово их становится «раздутым» в нижней части, меняется и композиция декора. Показателен в этом отношении котелок мастера Мухаммада-шаха аш-Ширази, изготовленный в 1333 г. в южном Иране, из собрания Государственного Эрмитажа (ГЭ, инв. №ИР-1484), форму которого повторяют котелки из Булгара.

Кроме того, из Булгара происходит серия небольших чашечек с носиком [13, с. 337, рис. 95]. Они встречены как в кладах, так и в культурном слое городища. Внешняя поверхность этих изделий украшена орнаментальным пояском с благопожелательной надписью, края которого представляют собой узкую неорнаментированную ленточку, переплетение которых образуют несколько круглых картушей, внутри которых размещен орнамент, состоящий из Y-образных элементов, характерный для XIV – начала XV в. Такие чаши изготавливались в Иране с XII до конца XIV в. Причем в конце XIII – начале XIV в. такие чашечки с носиком производились и в Египте [23, p. 117–119, fig. 96, 97].

Отдельные металлические художественные предметы изредка попадали и к жителям периферии Булгарского улуса, как например, бронзовое блюдо (сохранился один фрагмент), найденное на II Русско-Шуганском поселении в Муслимовском районе РТ. Оно по аналогиям может быть датировано началом XIV в.

Отметим, что все из вышеперечисленных предметов – изделия, выполненные на высоком профессиональном уровне, с тончайшей работой специалистов, прекрасно владевших техниками гравировки, инкрустации, литья. Впрочем, и сам металл, из которого они сделаны – очень качественная бронза. Мастеров такого уровня в Булгарском улусе в XIV в. не было. По крайней мере, археологических свидетельств производства подобных изделий пока не выяв-

лено. Однако фрагменты от привозных сосудов нередко использовались болгарскими ювелирами вторично – в качестве сырья. «Вымывание» из бытового использования привозных изделий (в том числе и иранских) в Булгарском улусе усиливается к началу XV в., когда их импорт практически иссяк, а имевшиеся в обращении предметы в конце XIV – первой четверти XV в., в период нестабильности и государственного коллапса Золотой Орды, выпадают в клады.

Из ювелирных украшений типичными иранскими изделиями считаются перстни с пирамидальным кастом и вставками из поделочных или полудрагоценных камней. Они изготавливались в Иране с XI в. [36, p. 174–175, cat. 27]. Такой перстень с бирюзовой вставкой был найден в Спасском районе Татарстана на V Семеновском селище и датирован по материалам селища XIV в. [17, с. 198–199, фототабл. 3]. К этому же времени относятся золотые перстни несколько иного типа, но тоже с бирюзовыми вставками с Булгарского городища, один из которых – с глухим кастом, а второй – с филигранным [13, с. 452, 454, кат. №263; 270].

Кроме этих украшений, интерес представляют крупные серебряные серьги нескольких типов, происходящие из Булгара, украшенные филигранными бусинами, а в двух случаях бусины были заменены собранными из тонких серебряных листочков цветочными бутонами [13, с. 267, рис. 66]. Бусины в виде пышного шаровидного бутона, собранные из многолепестковых розеток из сканой проволоки, соединенных зерновыми шариками, размещенные на крупных серебряных серьгах из Булгара, имеют полные аналоги, выполненные из золота в иранских древностях из собрания Н. Халили. Здесь они датированы в рамках XI–XIII вв. [36, pp. 176, 211, cat. 148], что кажется не совсем верным (учитывая материалы Симферопольского клада, их датировка укладывается в XIII–XIV или даже только в XIV вв.). Майкл Спинк и Джек Огден считают, что в этом украшении прослеживается влияние искусства фатимидского Египта [36, p. 176].

Помимо художественного металла в ордынский период в Булгар привозилась и парадная керамика. Как отметила М.Д. Полубояринова, в золотоордынском Булгаре в слое XIV в. встречается довольно много фрагментов иранских лостровых сосудов от кувшинов, блюд и чаш [10, с. 72].

Подводя итог, можно констатировать, что связи с Ираном у волжских болгар были одними из приоритетных во внешних сношениях в домонгольское время. Причем художественное ремесло Ирана в XI в. во многом определяло пути развития болгарских профессиональных ремесел, в частности ювелирного. Хотя наибольший след оно оставило в XII в., когда заимствованные из иранского искусства образы (например, льва) трансформируются в местной ремесленной среде и, воплощенные в различных предметах, широко распространяются среди жителей болгарских городов и торговых поселков. Прекрасным примером подобной трансформации могут служить навесные замочки для ларчиков, описанные выше. В результате, широкий ассортимент привозных находок, зафиксированных в Булгарии, доказывает тот факт, что популярные в Иране, да и на большей части Ближнего Востока, предметы в XI–XII вв. достаточно быстро достигали болгарских земель и расходились по городам, и оттуда через городские рынки попадали даже в сельские усадьбы (среди таких изделий – бронзовые чаши и стеклянные парфюмерные сосуды).

Насколько глубоко было влияние импортных образцов художественного ремесла Ирана на болгарское производство и на культурную жизнь? Если оценивать степень воздействия на массовое болгарское производство, например, неполивной керамики, то здесь этот процесс практически не заметен. Иная ситуация сложилась в элитном городском ремесле, например, ювелирном деле. Здесь знакомство болгарских мастеров с лучшими образцами иранских ювелиров вполне очевидно. Но при этом, это были лишь внешние заимствования отдельных элементов декора и ряда технологических приемов. Иногда копировались мелкие бытовые украшения, например, некоторые накладки на пояс, игравшие вероятно какую-то статусную роль в costume болгар. В остальном, известная нам болгарская продукция – это творчество местных ювелиров. Вместе с тем, сложные технологические операции, такие как, например, инкрустация серебром или медью по бронзе, ими так и не были освоены. Вероятно, сказывалось отсутствие на территории Булгарии месторождений олова, свинца, золота, серебра и качественной медной руды, а также соответствующей ремесленной традиции.

Социальная база потребителей иранского импорта (как и другого, но в данном случае в большей части именно иранского) в домонгольской Булгарии была достаточно широка: в столице (Биляре) – это зажиточные слои купечества, чиновники и богатые ремесленники (они-то и заказывали металлические чаши и подносы, а также чернильницы с серебряной инкрустацией, светильники). Часть импорта предназначалась для мечетей (подставки для светильников, стеклянные лампы, курительницы и т.п.). К числу заказчиков относилась и аристократия в периферийных центрах, например, в Булгаре и Суваре. Не удивительно, что многие дорогие иранские изделия появляются в Булгарии накануне монгольского вторжения в страну в первой трети XIII в. Очевидно, что часть предметов, например, керамические сосуды типа минаи, могли оказаться здесь после завоевания монголами государства хорезмшаха в 1219–1223 гг.

Влияние иранского искусства на культуру Булгарского улуса Золотой Орды определить сложнее, поскольку оно входит в общее культурное пространство всего золотоордынского государства. Между тем, стоит отметить, что в эту эпоху на болгарских землях, ставших частью Золотой Орды, сложился новый предметный комплекс, сочетавший в себе черты традиционного и инновационного. Интересно, что в вопросах импорта высокохудожественных изделий четко обозначился высший социальный статус заказчиков большей части привозных изделий (что также означает и сужение потребительской базы ввозимых изделий по сравнению с домонгольской) в промежутке от конца XIII в. и до второй трети XIV в. Это были аристократические слои города Булгара. Кроме того, заказчиками эксклюзивного импорта были зажиточные слои горожан того же города (бронзовая иранская чаша с инкрустацией XII–XIII вв. была найдена в общественной бане Булгара – т.н. «Красной палате») и этнических диаспор, например, армянской (в руинах церкви в армянской колонии этого города был обнаружен иранский бронзовый подсвечник).

Таким образом, иранский импорт в Волжскую Булгарию и Булгарский улус Золотой Орды на протяжении практически 500 лет демонстрирует не только определенную устойчивость культурно-экономических отношений регионов, географически весьма отдаленных друг от друга, но и является

важным маркером изменений, происходивших как в ремесленном производстве самого Ирана, так и в потребительской среде иранской продукции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Али-заде А.А.* Хроники мусульманских государств I–VII веков хиджры. 2-е изд., доп. М: УММА, 2004. 445 с.
2. *Бартольд В.В.* Сочинения. Т. I: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М: Изд-во вост. лит-ры, 1963. 760 с.
3. *Беговатов Е.А., Полубояринова М.Д.* Восточные стеклянные лампы из Поволжья // Российская археология. 2014. №1. С. 158–162.
4. *Грабар О.* Формирование исламского искусства. М.: ООО САДРА, 2016. 448 с.
5. *Грюнебаум Г.Э.* Классический ислам. Очерк истории (600–1258). Пер. с англ. И.М. Джура. М.: Наука, главн. ред. вост. лит-ры, 1988. 216 с.
6. *Иванов А.А.* Бронзовая чаша из Хунзаха // Художественные памятники и проблемы культуры Востока / Науч. ред. В.Г. Луконин. Л.: Искусство, Ленинград. отделение, 1985. С. 181–187.
7. *Иванов А.А.* Бронзовое блюдо XI века из Мавераннахра // Сообщения Государственного Эрмитажа. 2014. Вып. LXXII. С. 25–44.
8. *Никитина Т.Б., Руденко К.А., Алибеков С.Я.* Металлические чаши из Русенихинского могильника эпохи Средневековья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 2. С. 71–77.
9. *Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII–XV веках: Курс лекций. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербурга. ун-та, 2007. 428 с.
10. *Полубояринова М.Д.* Торговля Болгара // Город Болгар: культура, искусство, торговля / отв. ред. П.Н. Старостин. М.: Наука, 2008. С. 27–107.
11. *Руденко К.А.* Металлическая посуда Поволжья и Приуралья в VIII–XIV вв. Казань: «Репер», 2000. 155 с.
12. *Руденко К.А.* Металлические чаши из могильника Нижняя Стрелка и их значение для изучения средневекового художественного металла Среднего Поволжья // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 5 / Отв. ред. Ю.А. Зеленева, Б.С. Соловьев. Йошкар-Ола: МарГУ, 2010. С. 166–172.
13. *Руденко К.А.* Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. 528 с.
14. *Руденко К.А.* Ювелирное искусство волжских болгар до и после Ибн Фадлана (постановка проблемы) // Материалы Круглого стола, посвященного книге Ибн Фадлана, его эпохе и археологическим коллекциям / ред. Р.С. Хакимов, З.Р. Валеева, М.Р. Гайнанова. Казань: ИИ им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 109–119.
15. *Руденко К.А.* Волжская Булгария и Восток в XI–XII вв. (по материалам раскопок Остолоповского селища в устье реки Шенталы Алексеевского района Республики Татарстан) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. Т. 158, кн. 6. С. 1480–1494.
16. *Руденко К.А.* О хронологии восточного импорта в Волжскую Булгарию в X–XI вв. (по материалам торевтики) // Поволжская археология. 2017. №2. С. 157–172.
17. *Руденко К.А., Беговатов Е.А.* Редкие археологические находки с Семеновского острова // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) / отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулиана, 2016. С. 186–201.
18. *Смирнов А.П.* Волжские болгары. М.: Изд-во ГИМ, 1951. 276 с.

19. *Старр Ф.* Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана. М.: Альпина Паблишер, 2017. 547 с.
20. *Тауров А.Д.* Торговые коммуникации в западной части Урало-Иртышского междуречья. Препринт. Челябинск, 1995. 44 с.
21. *Фильштинский И.М.* История арабов и халифата (750–1517 гг.) 2-е изд., испр., доп. М.: Формика-С., 2001. 352 с.
22. *Фрай Р.* Наследие Ирана. М.: Наука, Главн. ред. восточн. лит-ры, 1971. 468 с.
23. *Baer E.* Metalwork in Medieval Islamic Art. N.-Y.: State University publ., 1983. 371 p.
24. *Blair Sh., Bloom J.* Decorative Art // Islam: Art and Architecture / ed. M. Hattstein, P. Delius. Potsdam: H.F. Ulmann, 2013. P. 118–123.
25. *Carboni S., Waitehouse D.* Glass of the Sultans. N.-Y.: Metropolitan Museum of Art, 2002. 330 p.
26. *Canby Sh. R., Beyazit D., Rugiadi M., Peacock A.C.S.* Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs. Catalog exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, April 27 – July 2016. N.-Y.: The Metropolitan Museum of Art, 2016. 366 p.
27. *Carboni S.* Following the Stars: Images of the Zodiac in Islamic Art. N.-Y.: Metropolitan Museum of Art, 2013. 48 p.
28. *Durand-Guédy D.* What does the History of Isfahan tell us about Iranian Society during the Seljuq Period? // The Age of the Seljuqs / ed. E. Herzog, S. Stewart. L.; N.-Y.: I.B. TAURIS, 2015. P. 58–73.
29. *Ettinghausen R.* The “Wade cup” in the Cleveland museum of Art, its origin and decorations // *Ars Orientales*. 1957. Vol. II. P. 327–379.
30. *Grube E.J.* Cobalt and Lustre. The First Centuries of Islamic Pottery: The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. IX / ed. J. Raby. N.-Y.: Oxford University Press, 1994. 348 p.
31. *Hattstein M.* History of the Great Seljuqs // Islam: Art and Architecture / ed. M. Hattstein, P. Delius. Potsdam: H.F. Ulmann, 2013, pp. 348–353.
32. *Ivanov A.A.* Bronze cauldron with the name of Mahmūd ibn...al-Hasan (?) al-Qazwīnī // Studi in Onore di Umberto Scerrato per il suo settantacinquesimo compleanno / a cura di M.V. Fontana, B. Genito. Napoli: Istituto Italiano per L’ Oriente, 2003. P. 479–484.
33. *Jewelry, 7 000 Years: An International History and Illustrated Survey from the Collection of the British Museum* / ed. H. Tait. N.-Y.: Abradale Press, 1991. 255 p.
34. *Melikian-Chirvani A.S.* The White Bronzes of Early Islamic Iran // *Metropolitan Museum Journal*. 1974. Vol. 9. P. 123–151.
35. *Philon H.* Early Islamic Ceramics: Ninth to Late Twelfth Centuries (Benaki museum Athens: catalogue of Islamic Art. Vol. I). Athens: Benaki museum Athens, 1980. 324 p.
36. *Spink M., Ogden J.* The Art of Adornment: Jewellery of the Islamic Lands. Part One. The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art. Vol. XVII. L.: Nour Foundation, 2013. 372 p.
37. *Twenty Five Thousand Years of Jewelry: From the Collections of the Staatliche Museen zu Berlin* / ed. M. Eichhorn-Johannsen, A. Rasche. Munich–L.–N.-Y.: Staatliche Museen zu Berlin Preußischer Kulturbesitz and Prestel Verlag, 2013. 384 p.
38. *Ward R.* Islamic Metalwork. L.: British Museum Press, 1993. 130 p.
39. *Watson O.* Ceramics from Islamic Lands: (The al-Sabah Collection. Dar al-Alhar al-Islamiyyah, Kuwait National Museum). N.-Y.: Thames & Hudson, 2006. 512 p.

Сведения об авторе: Константин Александрович Руденко – доктор исторических наук, профессор, доцент, Казанский государственный институт культуры, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4067-9287> (420059, Оренбургский тракт, 3, Казань, Российская Федерация), E-mail: murziha@mail.ru

Поступила 15.05.2018 Принята к публикации 29.08.2018
Опубликована 29.09.2018

REFERENCES

1. Ali-zade A.A. *Khroniki musul'manskikh gosudarstv I–VII vekov khidzhry* [Chronicles of the Muslim States of the 1st–7th centuries AH]. Moscow, UMMA Publ, 2004. 445 p. (In Russian)
2. Bartold V.V. *Sochineniya*. T. I: *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestiya* [Writings: Vol. I: Turkestan Down to the Mongol Invasion]. Moscow, East literature Publ., 1963. 760 p. (In Russian)
3. Begovatov E.A., Poluboyarinova M.D. Vostochnye steklyannye lampy iz Povolzh'ya [Oriental glass lamps from the Volga region]. *Rossiyskaya arheologiya – Russian Archaeology*. 2014, no. 1, pp. 158–162. (In Russian)
4. Grabar O. *Formirovanie islamskogo iskusstva*. Moscow: OOO SADRA Publ., 2016. 448 p. (English ed.: Grabar O. The Formation of Islamic Art. New Haven, Yale University Press, 1973. 232 p.) (In Russian)
5. Grunebaum G.E. *Klassicheskiy islam. Ocherk istorii (600–1258)* [Classical Islam. A Historical Sketch (600–1258)]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 216 p. (In Russian)
6. Ivanov A.A. Bronzovaya chasha iz Khunzakha [A bronze bowl from Hunzaha]. *Khudozhestvennye pamyatniki i problemy kul'tury Vostoka. Sbornik statey*. [Art Monuments and Issues of Oriental Culture. Collected articles]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1985, pp. 181–187. (In Russian)
7. Ivanov A.A. Bronzovoe blyudo XI veka iz Maverannakhra [A bronze dish of the 11th century from Transoxiana]. *Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Sbornik statey–Reports of the State Hermitage museum. Collected articles*. 2014, no. LXXII, pp. 25–44. (In Russian)
8. Nikitina T.B., Rudenko K.A., Alibekov S.Ya. Metallicheskie chashi iz Rusenikhinskogo mogil'nika epokhi Srednevekov'ya [Metal bowls from the medieval Ruseniha's burial ground]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii. Sbornik statey* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia. Collected articles]. 2017, vol. 45, no. 2, pp. 71–77. (In Russian)
9. Petrushevskiy I.P. *Islam v Irane v VII–XV vekakh: Kurs lektsiy* [Islam in Iran in the 7th–15th centuries: The Course of Lectures]. St. Peterburg, St. Petersburg University Publ., 2007. 428 p. (In Russian)
10. Poluboyarinova M.D. Torgovlya Bolgara [Trade of Bulgar]. *Gorod Bolgar: kul'tura, iskusstvo, trgovlya. Sbornik statey* [The City of Bulgar: Culture, Art, Trade. Collected articles]. Moscow, Nauka Publ., 2008, pp. 27–107. (In Russian)
11. Rudenko K.A. *Metallicheskiye posuda Povolzh'ya i Priural'ya v VIII–XIV vv.* [Metal Dishware of the Volga and Cis-Ural Regions in the 8th–14th centuries]. Kazan, Reper Publ., 2000. 155 p. (In Russian)
12. Rudenko K.A. Metallicheskie chashi iz mogil'nika Nizhnyaya Strelka i ikh znachenie dlya izucheniya srednevekovogo khudozhestvennogo metalla Srednego Povolzh'ya [Metal bowls from a burial ground the Nizhnyaya Strelka and their value for studying medieval art metal of the Middle Volga region]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Povolzh'ya. Sbornik statey* [Materials and Researches on Archaeology of the Volga Region: Collected articles]. Yoshkar-Ola, Maris University Publ., 2010, vol. 5, pp. 166–172. (In Russian)
13. Rudenko K.A. *Bulgarskoe srebro. Drevnosti Bilyara*. Vol. II [Bulgar's Silver. Antiquities of Bilyar]. Kazan, Zaman Publ., 2015. 528 p. (In Russian)

14. Rudenko K.A. Yuvelirnoe iskusstvo volzhskikh bulgar do i posle Ibn Fadlana (postanovka problemy) [Jeweller art of the Volga Bulgars before and after Ibn Fadlan (problem statement)]. *Materialy Kruglogo stola, posvyashchennogo knige Ibn Fadlana, ego epokhe i arkhologicheskim kollektiyam* [Proceedings of the Round Table Dedicated to the Ibn Fadlan's Book, His Epoch and Archaeological Collections]. Kazan, Institute of History of AN RT Publ., 2016, pp. 109–119. (In Russian)

15. Rudenko K.A. Volzhskaya Bulgariya i Vostok v XI–XII vv. (po materialam raspokop Ostolopovskogo selishcha v ust'e reki Shentaly Alekseevskogo rayona Respubliki Tatarstan) [The Volga Bulgaria and the East during the 11th–12th centuries (based on materials of the excavations district of the Republic of Tatarstan)]. *Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki – Scientific Notes of Kazan University. Series of Humanities*, 2016, vol. 158, no. 6, pp. 1480–1494. (In Russian)

16. Rudenko K.A. O khronologii vostochnogo importa v Volzhskuyu Bulgariyu v X–XI vv. (po materialam torevtiki) [On the chronology of oriental import into the Volga Bulgaria in the 10th–11th centuries (according to the toreutic materials)]. *Povolzhskaya arkhologiya=The Volga Region Archaeology*, 2017, no. 2 (20), pp. 157–172. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2017.2.20.157.172>. (In Russian)

17. Rudenko K.A., Begovatov E.A. Redkie arkhologicheskie nakhodki s Semenovskogo ostrova [Rare archeological finds from Semenovsky Island]. *Kul'turnoe nasledie Evrazii (s drevnosti do nashikh dney). Sbornik statey* [Cultural Heritage of Eurasia (from the ancients to our time). Collection of articles]. Almaty, Institut arkhologii im. A. Kh. Marguliana, 2016, pp. 186–201. (In Russian)

18. Smirnov A.P. *Volzhskie bulgary* [The Volga Bulgars]. Moscow, State Historical Museum Publ., 1951. 276 p. (In Russian)

19. Starr S.F. *Utrachennoe Prosveshchenie: Zolotoy vek Tsentral'noy Azii ot arabskogo zavoevaniya do vremen Tamerlana* [The Lost Enlightenment: The Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlan]. Moscow, Alpina Publ., 2017. 547 p. (In Russian)

20. Tairov A.D. *Torgovye kommunikatsii v zapadnoy chasti Uralo-Irtyshskogo mezhdurech'ya* [Trading Communications in the Western Part of Uralo-Irtysh Interfluve]. Chelyabinsk, 1995. 44 p. (In Russian)

21. Fil'shtinskiy I.M. *Istoriya arabov i khalifata (750–1517 gg.)* [The History of Arabs and the Caliphate (750–1517)] Moscow, Formika-S. Publ., 2001. 352 p. (In Russian)

22. Fray R. *Nasledie Irana*. Moscow, Nauka Publ., 1971. 468 p. (English ed.: Fray R. *The Heritage of Persia*. Cleveland–New York, World Publishing C^o, 1963. XVII, 317 p., 64 plates). (In Russian)

23. Baer E. *Metalwork in Medieval Islamic Art*. New York, State University Publ., 1983. 371 p.

24. Blair Sh., Bloom J. *Decorative Art. Islam: Art and Architecture*. M. Hattstein, P. Delius (eds). Potsdam, H.F. Ulmann, 2013, pp. 118–123.

25. Carboni S., Waitehouse D. *Glass of the Sultans*. New York, Metropolitan Museum of Art, 2002. 330 p.

26. Canby Sh.R., Beyazit D., Rugiadi M., Peacock A.C.S. *Court and Cosmos: The Great Age of the Seljuqs*. Catalog exhibition held at the Metropolitan Museum of Art, New York, April 27 – July 2016. New York, Metropolitan Museum of Art, 2016. 366 p.

27. Carboni S. *Following the Stars: Images of the Zodiac in Islamic Art*. New York, Metropolitan Museum of Art, 2013. 48 p.

28. Durand-Guédy D. What does the History of Isfahan tell us about Iranian Society during the Seljuq Period?. *The Age of the Seljuqs*. E. Herzing, S. Stewart (eds). London–New York, I.B. TAURIS, 2015, pp. 58–73.

29. Ettinghausen R. The “Wade cup” in the Cleveland museum of Art, its origin and decorations. *Ars Orientales*. 1957. Vol. II, p. 327–379.

30. Grube E.J. *Cobalt and Lustre. The First Centuries of Islamic Pottery: The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art*. Vol. IX. J. Raby (ed.). New York, Oxford University Press, 1994. 348 p.
31. Hattstein M. History of the Great Seljuks. *Islam: Art and Architecture*. M. Hattstein, P. Delius (eds). Potsdam, H.F. Ulmann, 2013, pp. 348–353.
32. Ivanov A.A. Bronze cauldron with the name of Mahmūd ibn...al-Hasan (?) al-Qazwīnī. *Studi in Onore di Umberto Scerrato per il suo settantacinquesimo compleanno*. M.V. Fontana, B. Genito (a cura di). Napoli, Istituto Italiano per L'Oriente, 2003, pp. 479–484.
33. *Jewelry, 7 000 Years: An International History and Illustrated Survey from the Collection of the British Museum*. H. Tait (ed.). New York, Abradale Press, 1991. 255 p.
34. Melikian-Chirvani A.S. The White Bronzes of Early Islamic Iran. *Metropolitan Museum Journal*. 1974. Vol. 9, pp. 123–151.
35. Philon H. *Early Islamic Ceramics: Ninth to Late Twelfth Centuries (Benaki museum Athens: catalogue of Islamic Art. Vol. I)*. Athens, Benaki museum Athens, 1980. 324 p.
36. Spink M., Ogden J. *The Art of Adornment: Jewellery of the Islamic Lands*. Part One. *The Nasser D. Khalili Collection of Islamic Art*. Vol. XVII. London, Nour Foundation, 2013. 372 p.
37. *Twenty Five Thousand Years of Jewelry: From the Collections of the Staatliche Museen zu Berlin*. M. Eichhorn-Johannen, A. Rasche (eds). Munich–London–New York, Staatliche Museen zu Berlin Preußischer Kulturbesitz and Prestel Verlag, 2013. 384 p.
38. Ward R. *Islamic Metalwork*. London, British Museum Press, 1993. 130 p.
39. Watson O. *Ceramics from Islamic Lands (The al-Sabah Collection. Dar al-Ahwar al-Islamiyyah, Kuwait National Museum)*. New York, Thames & Hudson, 2006. 512 p.

About the author: Konstantin A. Rudenko – Dr. Habil. (History), Professor, Kazan State Institute of Culture, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4067-9287> (3, Orenburg tract, Kazan 420059, Russian Federation). E-mail: murziha@mail.ru

*Received May 15, 2018 Accepted for publication August 29, 2018
Published September 29, 2018*